

КТО СТОЯЛ ЗА ДЕКАБРИСТАМИ?

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Кто стоял за декабристами
Серия «Русская история (Алгоритм)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67429052

Кто стоял за декабристами:

ISBN 978-5-00180-428-4

Аннотация

Восстание декабристов до сих пор принято представлять сугубо внутренним явлением, как выступление группы оппозиционных офицеров, увлекшихся идеями европейских реформ.

Известный писатель-историк Валерий Шамбаров в своей новой работе «Кто стоял за декабристами» показывает, что этот мятеж неправомерно рассматривать в отдельности, он был составной частью целой сети родственных заговоров, в том числе польского. Впервые приводятся доказательства связей декабристов с западными державами, в первую очередь с Англией, широко развернувшей с начала XIX века международные подрывные операции по «экспорту революций».

Содержание

ПРОЛОГ. ОТ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО	4
ГЛАВА 1. ПЛОДЫ «ПРОСВЕЩЕНИЯ»	7
ГЛАВА 2. СУЕТА ВОКРУГ ПЕТРА	21
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Шамбаров Валерий

Евгеньевич

Кто стоял за декабристами

ПРОЛОГ. ОТ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

14 декабря 1825 года в Саровской пустыни у святого старца Серафима, недавно вернувшегося из затвора, день начался вроде бы обычно. Он молился, вышел трудиться, перекладывал поленницу дров. Но, как рассказывал его келейник Павел, внезапно батюшка взволновался. В страшном беспокойстве стал бегать по двору со словами: «Драка! Драка!» Известил: «В Петербурге бунт против Государя!» Начал подробно описывать, что в это время происходило в столице. Прерывал свой рассказ горячими молитвами. А потом вздохнул с облегчением, буквально расцвел. От него узнали, что с мятежом покончено. Батюшка Серафим воодушевленно говорил: «Слава Богу! Слава Богу! Царя богоизбранного даровал Господь земле Русской! Сам Господь избрал и помазал его на Царство!» «Его Господь сохранит: он велик перед Господом – он в душе христианин!» [1]

А ведь подобное чудо случилось и раньше. 8 сентября 1380 года. В этот день преподобный Сергей Радонежский молился с братией в своем лесном Троицком монастыре и увидел духовным взором, как русская рать сошлась с врагами на Куликовом поле. Начал говорить о сражении, называть имена павших, чьи души отлетали в это время к Престолу Всевышнего.

Конечно же, такое совпадение не случайно. Куликовская битва была критическим, переломным моментом нашей истории. В жесточайшей схватке решалось – быть или не быть Святой Руси? Откроется ли ей путь к будущим вершинам? Или она исчезнет, раздавленная и обескровленная нашептываниями мамеевых полчищ, вдребезги расколота на подневольные улусики, поработенная заказчиками вражеского похода, ордынскими и генуэзскими работорговцами...

Но и восстание декабристов было не менее опасной исторической бурей. Решался вопрос не только о том, кто и как будет править Россией. Нет, решалась её судьба. Быть ли ей? Сохранится ли она, прокладывая дорогу к дальнейшему своему величию и славе? Или обвалится, рухнет в общий кровавый хаос. Впрочем, о таких последствиях не догадывались даже сами декабристы, выводя обманутых солдат на Сенатскую площадь. Но у заговорщиков, как и у Мамаея, тоже были заказчики. И они-то предвидели, к чему должна привести победа мятежников. Сами прогнозировали и строили сценарий предстоящей катастрофы. Так же, как прогнозировали

его заказчики революций 1917 года.

ГЛАВА 1. ПЛОДЫ «ПРОСВЕЩЕНИЯ»

XVIII век в европейской и мировой истории стал особенным. Наступила «эпоха Просвещения». Предшествующие времена, XVI–XVII столетия, обозначали эпохой Реформации. Потому что Европу раздирали религиозные войны и междоусобицы, полыхали пожары революций – тоже под религиозными знаменами. Теперь этому пришел конец. Католики и протестанты всех мастей вполне научились находить общий язык между собой. А в качестве высших (и общих) ценностей выдвигались развитие науки, культуры, этики, образования, философии, разработка прогрессивных моделей общественного и государственного устройства. Казалось бы, таким переменам можно было только радоваться. Но истинная подоплека подобных процессов была не слишком привлекательной.

В ходе той же Реформации и Контрреформации, когда ломались традиционные религиозные устои, дали обильную поросль не только различные модификации христианских учений. Некоторые ереси по своей сути были даже древнее, чем христианство. Восходили к язычеству – казалось бы, давно побежденному. Ведь на самом-то деле оно было неоднородным. Простые люди искренне верили в своих древ-

них богов. Ходили в святилища кланяться их изображениям. Несли им жертвы. Добросовестно исполняли обряды, доставшиеся от предков. Но существовало и другое язычество. Интеллектуальные римляне, греки, сирийцы, египтяне давным-давно не верили в истуканов. Не верили в мифы о своих богах и богинях. Сутью религии, как они полагали, были некие сокрытые знания. Обрети их – и откроешь смысл жизни, власть над людьми и природой, даже бессмертие. Эти знания искали в тайных мистериях Изиды, Астарты, Кибелы, Диониса, Деметры, Орфея, Гермеса, кабиров. Мифы переводились на уровень символов, облекались в философские теории. Они были очень сложными, понятными далеко не всем. Но образованная элита как раз и считала себя особенной, неизмеримо выше черни. В рядовых язычниках она видели лишь «сырье» для собственного совершенствования. А раскрывать тайны было нельзя, тайны предназначались для немногих «избранных». Иначе чем ты будешь отличаться от наивной тупой массы?

«Мудростью» восточных жрецов и магов увлеклась часть иудеев, и возник каббализм. Он, в общем-то, очень сильно отличался от иудаизма. Согласитесь, это не одно и то же – чтить Бога или «божественное ничто». В Иране от зороастризма откололось манихейство. А при распространении христианства в истинную веру массово обращались рядовые язычники. Узнавали о Настоящем Боге – светлом, добром, чистом, отвергали мертвых идолов и принимали Живого

Христа. Принимали без мудрствований, простодушно, всем сердцем. Однако интеллектуалы не могли понять христианского равенства перед Богом. Для них оказывалась недоступной евангельская чистота и простота. Не вмещалось в сознание, как можно стремиться к Господу одной лишь верой?

Они начали приспособливать христианское учение к своим старым оккультным теориям, и родился гностицизм (от греческого «гносис» – знание). Гностических теорий было много, но объединяло их одно, приоритет в них отдавался не вере, а разуму. Выискивали переносный смысл в текстах Священного Писания. Бога-Творца низводили до уровня «демиурга» – ремесленника, причем злого, если он запретил людям трогать «плод познания». А благим началом выступал Змей. Ну а Крестная жертва Христа вообще не вписывалась в представления философов. Христос, по их мнению, приходил только для того, чтобы передать людям еще одно важное знание. Конечно, не всем людям, оно тоже стало сокрытым, для «посвященных». Появились апокрифические (т.е. тайные) евангелия, деяния, апокалипсисы, будто бы содержащие эти знания...

Периодически эти учение получали распространение, возникали ереси павликиан, богумилов, катаров, альбигойцев, вальденсов. Хотя в Средние века отношение к религии было строгим, дело кончалось войнами и казнями. Однако остатки сект продолжали существовать скрытно, маскировались под католиков. Центрами, из которых подпиты-

вались ереси, были и иудейские общины европейских городов. Деньги купцов и ростовщиков обеспечивали им покровительство монархов и знати, еврейские кварталы получали самоуправление, жили по собственным законам, и власти в их дела не вмешивались. А религиозного раскола, в отличие от христиан, у евреев не произошло. Разным общинам было важно поддерживать между собой деловые связи, поэтому каббалисты мирно уживались с ортодоксальными иудеями. У них была своя система образования. В неграмотной средневековой Европе ученых евреев воспринимали как хранителей некой древней мудрости, забытой и утраченной остальным человечеством. Они пользовались успехом при дворах знати в качестве специалистов по медицине, астрологии, алхимии.

Новую порцию ересей принесли на Запад «крестовые походы». Как известно, вместо декларируемой борьбы за веру они вылились в борьбу за наживу и территориальные захваты. А наряду с награбленными ценностями в европейские страны потекли и темные учения Востока. В частности, ими заразился рыцарский орден тамплиеров (храмовников). Он создавался как военное монашеское братство для защиты Храма Гроба Господня и охраны паломников. Но суть подменилась, тамплиеры стали называть себя «рыцарями храма Соломона», практиковали тайные обряды черной магии. После изгнания крестоносцев из Палестины орден, вывезший со Святой Земли огромные богатства, занялся ростовщице-

ством, его отделения угнездились в разных государствах.

Оккультными увлечениями тамплиеров занялся король Франции Филипп IV Красивый. И не только оккультными, но и их международным заговором против монархий. При этом орден взялся яростно защищать римский папа Бонифаций VIII, который и сам оказался чернокнижником. Но король не остановился перед вторжением в Ватикан, арестовал Бонифация, добившись избрания на его место своего ставленника Климента IV. После этого разгромил и тамплиеров. Их орден был распущен, во Франции 300 рыцарей арестовали, 70 их них во главе с великим магистром де Моле казнили.

Но в других государствах к тамплиерам отнеслись куда более мягко. Большинство рыцарей оставались на свободе. Часть из них бежала в Шотландию – эта страна была совершенно дикой, разбойничьей. Там находили убежище многие еретики, и правил король Яков Брюс, отлученный от церкви. В Португалии тамплиеры только сменили название, стали основой морского «ордена Иисуса», положившего начало «Великим географическим открытиям».

Крестовые походы принесли в Европу и колоссальные богатства. И главные центры, где они сосредотачивались, находились в Италии. Немецкие, французские, английские воины погибали на Ближнем Востоке, умирали от болезней и тяжелого климата. А все, что они награбили, перевозили и перепродавали итальянские купцы. После изгнания крестоносцев они сохранили выгодные связи с властителями Египта,

Палестины, Сирии, держали там фактории. Три республики, Венеция, Генуя и Пиза, фактически монополизировали плавание по Средиземному морю, сверхвыгодную торговлю с Византией, работорговлю с Золотой Ордой на Черном море. Выделилась и четвертая республика, банкирская – Флоренция.

Это обогащение положило начало «эпохи Возрождения». Подразумевалось, что после веков упадка возрождается блеск и величие Древнего Рима. Но духовные устои Запада уже были в значительной степени расшатаны. Теперь начался переворот в общественном сознании. От духовных ценностей к приоритету материальных, от добродетелей аскетизма – к культу наслаждений, от догматической веры – к построениям человеческого разума и признанию их преобладающими над верой. Ортодоксальная религия оставлялась в удел «темному» простонародью. Для верхушки общества понадобились изощренные философские теории, способные оправдывать собственные слабости и отход от установок христианства.

А очагом древней философии оставалась Византия, сохранившая в Средние века культурное наследие античного мира. Эта империя давно пришла в упадок, ее громили то крестоносцы, то турки, она потеряла большую часть своих территорий. Но здесь до сих пор действовали классические философские школы, изучали Платона, Аристотеля, Гомера и других мыслителей и поэтов древности. Эти мыслители

ли породили новую ересь, попытались соединить языческую основу с христианством. Причем их сторону приняли патриарх Константинопольский Иоанн Калека, ряд епископов. В тяжелой борьбе в 1341–1347 гг. чистоту православия отстаивали святые Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит, Григорий Палама. Патриарха низложили. Реформаторство осудили как ересь.

Греческие философы стали перетекать в Италию. Там их высоко ценили, хорошо платили [2]. Один из самых знаменитых философов, Плифон, примкнул к сторонникам церковной унии. Ему предложил блестящие условия Козимо Медичи, могущественный правитель Флоренции и крупнейший банкир, ссужавший деньгами большинство европейских монархов. При дворе Медичи Плифон основал Платоновскую академию [3]. Но изучали в ней не только древнегреческую философию, она стала центром распространения оккультных учений. В академии прославился Джованни Пико делла Мирандола, признанный «крупнейшим итальянским философом» и создавший трактат «900 тезисов по философии, каббалистике и теологии». Даже по меркам «эпохи Возрождения» книга была откровенно еретической, автору грозил суд инквизиции, но под эгидой Медичи тронуть его не посмели [4]. Инквизиция в конце XV века развернула пресловутую «охоту на ведьм», сотнями отправляла на костры безграмотных баб-знахарок, недалеких обывателей, соблаздившихся добиться магическими способами тех

или иных житейских успехов. Но источники, подпитывающие эту эпидемию, получали покровительство сильных мира сего, в том числе католических иерархов.

Не замедлили сказаться и последствия разрушения католицизма. В Англии необходимость церковных реформ начал проповедовать философ из Оксфордского университета Джон Уиклиф. Возникли секты лоллардов (бормочущих молитвы). Их радикальное крыло под лозунгами общего равенства поднимало народ на погромы в кровавом восстании Уота Тайлера. Мятеж жестоко подавили, но было и умеренное крыло лоллардов, куда входили дворяне, купцы. К ним прикнул и король Ричард II, стал опираться на парламент, даровал ему большие права, позволил контролировать и утверждать бюджет, налоги. Торжественно пообещал править, руководствуясь законами.

А в Чехии взялся проповедовать последователь Уиклифа Ян Гус. В 1415 году его казнили, но возмущенная Чехия взорвалась восстанием. Причём во взбаламученной стране проявились самые разные течения: умеренные чашники, радикальные табориты, даже древняя гностическая секта адамитов, призывавших вернуться к временам Адама, до грехопадения, для «очищения» совершавших богослужения в чем мать родила и предававшихся общим актам «безгрешной любви». Гуситские войны сотрясали Центральную Европу более двадцати лет, совершенно опустошив ее.

Но даже это стало лишь «цветочками» Реформации, гря-

нувшей в XVI веке. Впрочем, духовные вопросы оказывались при этом уже второстепенными. Люди выбирали те учения, которые казались им выгоднее. Кого-то вполне удовлетворяло, что католические священники за мзду отпускают любые грехи. Так почему же не сохранить католицизм? Лютер отвергал верховенство пап, монашество, церковную собственность – что ж, германские и скандинавские дворяне с энтузиазмом приняли лютеранство, расхватили церковные земли. Анабаптисты проповедовали: если не признавать церковную власть, то зачем признавать светскую? Этим увлеклись крестьяне, громили и грабили всех подряд.

В Англии Генрих VIII всего лишь хотел жениться и развестись по своему усмотрению. Поэтому ввел англиканскую церковь, сохранившую все обряды католической, но подчиняющуюся не папе, а королю. И церковные подати король стал забирать себе. А Кальвин поучал, что каждый человек, вне зависимости от его земных дел, заведомо определен Богом к спасению или осуждению. Отличить «избранных» от «неизбранных» очень просто: тех, кого полюбил Господь, Он отмечает богатством. Участь «неизбранных» – повиноваться им и работать на них. Да и власть должна принадлежать не королям, а советам «избранных». Теории Кальвина очень понравились французским дворянам, позволяли не повиноваться королю и бунтовать. Кальвинизм пришелся по душе и ростовщикам, купцам, банкирам. Они-то получались ох какими «избранными»! Их каста в данное время набрала вес

в Нидерландах.

Эта страна входила в состав Испанской империи. Испанские дворяне захватывали колонии за океаном, но торговать и заниматься промыслами им запрещалось. Их добыча перевозилась на голландских кораблях, продавалась на голландских рынках и утекала в кошельки голландских толстосумов. А когда они достаточно разжирили, то задались вопросом – нужны ли им испанский король, уплата церковной десятины и прочие помехи? Не лучше ли править самим, как они сочтут нужным? Под лозунгами кальвинизма Нидерланды восстали. Но и католицизм не собирался сдавать позиции. Рим развернул Контрреформацию. Точнее – католическую реформу. По сути, она тоже стала разновидностью Реформации, вылившись в кардинальные преобразования церкви. Разрабатывались масштабные пропагандистские программы, на это нацеливались квалифицированные проповедники, литература, искусство, система образования.

Европа разделилась на враждующие лагеря. В ходе этой борьбы создавались первые в мире профессиональные спецслужбы. Одна под эгидой Ватикана, орден иезуитов, раскинувший щупальца шпионажа и диверсий на разные государства. Вторую создал советник английской королевы Елизаветы министр иностранных дел Френсис Уолсингем. Как раз для того, чтобы противостоять операциям иезуитов и заговорам, которые они то и дело организовывали в Британии. Уолсингем завел сеть агентов при различных европейских

дворах, в церковных, деловых кругах. О заговорах узнавал, когда они только начинали формироваться [5]. Отсюда и берут начало традиции британской политической разведки. Но в XVII веке и Англия опрокинулась в месиво революций – ударной силой опять выступили кальвинисты.

Лишь во второй половине XVII века религиозное противостояние стало сглаживаться. Самые радикальные сектанты погибли, или их спроваживали в ссылки, заселять заокеанские колонии. Но обильно проклюнулись всходы учений, вроде бы непричастных к противоборству католиков и протестантов. Как будто нейтральных. А внедрение религиозной «терпимости» создавало для них благоприятную почву. В раздробленной Германии после Тридцатилетней войны, совершенно разорившей здешние королевства и княжества, стал открыто действовать орден розенкрейцеров. Пропагандировал поиск неких сокровенных каббалистических знаний [6]. В него вступали монархи, дворяне. Их покровительство получали алхимики и прочие «мудрецы». Ну а как же, каждому хотелось найти «философский камень» для обращения дешевых металлов в золото. Обрести магические средства для привлечения успеха, управления силами природы. Ну а Англия в ходе тех же войн и революций объединилась с Шотландией. Здесь получили развитие учения тамплиеров и других еретиков, веками находивших убежище в Шотландии. Родились масонские ложи.

Но были и победители в войнах и революциях. Клань

крупных финансистов, купцов, банкиров. Реформация смела традиционные устои, так или иначе мешавшие их наживе. Хотя европейские финансовые центры при этом сместились – из Италии в Амстердам и Лондон. До сих пор европейские толстосумы добивались своих политических целей, опираясь на радикальных сектантов. Но уже обожглись на этом. Религиозные революции выходили из-под контроля, становились слишком разрушительными. Массонские и розенкрейцерские структуры оказывались куда более удобными. Они были как бы вне политических партий, вне религий, ни под какие запреты не попадали. Их учения были тайными, для «избранных». Но финансово-политическая элита как раз и считала себя «избранными». Ложи идеально подходили для закрепления деловых связей, распространения своих влияний – исподволь, скрытно. Их члены имели возможность выработать и согласовывать общие планы, проталкивать нужных людей на те или иные ключевые посты, готовить совместные действия. А соединение оккультно-мистических группировок с финансовыми обеспечило им могущество, более чем солидную опору.

И сам термин «Просвещение» был именно масонским лозунгом. Основной своей задачей они декларировали содействие «просвещению», это позволяло играть на благородных чувствах, вовлекать новых членов. Но понимать «просвещение» можно было по-разному. С одной стороны, как развитие системы образования. С другой – как ее преобразование,

подстраивание к распространению идей «просветителей». С третьей – как «просвещение» самих членов лож. А оно строилось на принципе ступенчатых «посвящений». На каждой становится доступной только часть информации. И на более высокой ступени может отвергаться и отрицаться то, что почиталось истиной на нижних. То есть система заведомо основывалась на лжи.

В целом же «просвещение» подразумевало поворот от христианского к рациональному, материалистическому мышлению. В противовес вере возводился в культ человеческий разум как главный и единственный инструмент познания окружающего мира и самого человека, их совершенствования. Духовное, ключевое начало религии всячески принижалось, выставлялось «суевериями». Целью «просвещения» ставилось и «совершенствование» (то есть коренная ломка) традиционных государственных, политических систем, норм морали, нравственности. Сценарии реформ, разумеется, готовили «просветители». С ослаблением центральной власти, всемерным расширением «свобод». Так стала создаваться идеология либерализма, внедряться в качестве «прогрессивной». А расширять «свободы» и бороться за них можно было, по сути, бесконечно...

В общем-то «эпоха Возрождения» провозгласила начало перехода европейской цивилизации к оккультным антихристианским учениям. Они только ещё «возрождались». «Просвещение» означало торжество этого процесса. Такие уче-

ния уже утвердились. Выплеснулись для широкого распространения.

ГЛАВА 2. СУЕТА ВОКРУГ ПЕТРА

Исторический путь России кардинально отличался от западного. В XVI веке наша страна миновала опасную развилку на пути государственного строительства – идти по пути централизации власти или свернуть на путь многих европейских держав с представительными формами правления (которые на самом-то деле повсюду оборачивались за счет аристократии или купеческой олигархии). Отстояв идеал самодержавия, Иван Грозный сумел построить уникальную модель «Земской монархии» с жесткой вертикалью власти и широчайшим демократическим самоуправлением на всех «горизонталях». Православная Церковь устояла против атак ересей. Самую мощную из них, ересь «жидовствующих», победили Иван III, Василий III, а Иван Грозный окончательно разгромил ее. Россия сохранила традиционный фундамент Православия. А по мере своего усиления заняла место Третьего Рима, мирового оплота истинной христианской веры.

Но во второй половине XVII века, в правление Алексея Михайловича, механизмы «Земской монархии» стали ослабевать и расшатываться. Не без участия католических агентов была спровоцирована трагедия церковного раскола, хотя в масштабные религиозные войны это не вылилось. Иезуиты внедрили своего агента влияния и в ближайшее окру-

жение царя, тайного униата Базилианского ордена Симеона Полоцкого. Он возглавил элитное Заиконоспасское училище для чиновников, стал воспитателем старших детей государя. Линию сближения с католицизмом он проводил осторожно и скрытно, удобной почвой для этого служила пропаганда мнимых преимуществ западных систем, обычаев, морали, культуры [7].

В 1676 году на престол взошел 16-летний Фёдор Алексеевич. Покатались крутые реформы. Царь издал указ, рекомендовавший подданным брить бороды. Для государственных служащих официально вводилось польское платье. В «старорусской» одежде вход в Кремль был вообще запрещен. Современник писал: «На Москве стали... бороды брить, сабли и кунтуши польские носить, школы заводить». В высшем свете распространялось польское вольнодумство, сомнительные учения, западное изобразительное искусство, вечеринки с танцами, разврат. Принципы Земской монархии, «всей земли», были окончательно похоронены, утверждались польские установки с делением на благородное «шляхетство» и «подлый люд». Боярская дума превратилась в аналог польского сената.

Учениками Полоцкого были и сестра Федора Софья, ее фаворит Василий Голицын. Другого своего ученика, Сильвестра Медведева, Полоцкий хотел пристроить наставником к царевичу Петру. Но воспротивился патриарх Иоаким. Он уже понял, что обработка государственной верхушки осу-

ществляется отнюдь не случайным образом. Без патриаршего благословения кандидатуру Медведева отвергла и мать Петра Наталья. Ну что ж, получив отказ, Сильвестр стал духовником Софьи. Молодой и галантный Медведев вел себя как католический прелат – редко вспоминал о христианских устоях, зато оказался знатоком оккультных дисциплин, составлял для Софьи и царя астрологические прогнозы. Полоцкий и Сильвестр чувствовали себя настолько уверенно, что возглавили партию «латинствующих» среди духовенства, отстаивали католические взгляды по некоторым богословским вопросам.

А в 1682 году Фёдор Алексеевич умер бездетным. Умело используя Стрелецкий бунт, Софья сумела перехватить власть, стать регентшей при двух номинальных царях – больном Иване и малолетнем Петре. Голицыну она отдала под начало и внешнюю политику, и армию, для него был восстановлен высший в России титул канцлера – «Царственныя Большая печати и государственных великих посольских дел обергегеля». Полоцкого уже не было в живых, но Медведев вознесся, выступал наравне с высшими церковными иерархами. Начинания Федора его сестра развивала. Польские моды не только сохранялись, а углублялись. Знать гонялась за импортными духами, мылом, перчатками. Строила дворцы на западный манер, украшала их статуями Аполлонов и Венер. При дворе функционировал театр. Софья сама сочинила несколько пьес для него.

Однако Федор Алексеевич все же видел грань, за которую реформы переходить не должны. После него дорвалась к власти именно та группировка, которая силилась поломать и изменить основу российского государства. Не считаясь с мнением патриарха, Софья и Голицын разрешили в стране католическое богослужение. В Россию был дозволен въезд иезуитам, и канцлер принимал их даже в частном конфиденциально, у себя дома, «часто беседовал с ними». О чем? Причина подобной тяги к русским правителям могла быть только одна, и она известна. Сильвестр Медведев являлся сторонником церковной унии. Иезуит де Невиль проговорился, что и Голицын разделял эту идею.

Новые властители увлекались и магией, кабалистикой, астрологией. Впрочем, это в полной мере вписывалось в европейскую культуру той эпохи. Голицын, как вспоминали современники, «гадателей призывал и на месяц смотрел о познании судьбы своей». Софья тоже отдавала дань подобным учениям, Голицын и Медведев набрали для нее целый штат астрологов и «чародеев» вроде Дмитрия Силина, гадавшего по солнцу и другим знамениям. Канцлер внушал аристократам, чтобы они непременно нанимали для своих детей иностранных учителей. Начал целенаправленно отправлять русских юношей для обучения в Польшу. Основная их часть посылалась в Краковский Ягеллонский университет. Хотя это учебное заведение не готовило ни технических, ни военных специалистов, ни врачей. Оно выпускало богословов и юри-

стов. Западное богословие и юриспруденция могли понадобиться временщику лишь в одном случае: он хотел подготовить кадры для будущих церковных и государственных преобразований.

Дальнейшие реформы и впрямь намечались. Голицын составил рукопись «О гражданском бытии или о поправлении всех дел, яже надлежат обще народу», читал ее Софье, приближенным, чужеземцам. Эта рукопись до нас не дошла. Но данные проекты чрезвычайно расхваливал де Невиль – иезуит и французский шпион, посланец Людовика XIV и руководителя его разведки маркиза Бетюна. Сам факт восторгов со стороны подобной фигуры выглядит весьма красноречиво. Новое правительство готовило именно такой поворот, которого уже два столетия добивались враги России, – разрушение национальных устоев и подрыв Православия. Вопреки мнению большинства бояр и патриарха, Софья и Голицын вступили в «Священную лигу» – союз Австрии, Польши и Венеции, начавший войну против Турции. Главой союза являлся папа римский.

Де Невиль описал планы, вызревавшие в окружении правительницы. Предполагалось устранить подрастающего Петра, потом оттереть от власти немощного Ивана – дожидаться его смерти или подтолкнуть постричься в монахи. Голицын тоже избавится от супруги, спровадит в монастырь. Женится на Софье, они займут престол при полной поддержке папы римского и западных партнеров. А патриархом поставят

Медведева, «который немедленно предложит посольство в Рим для соединения церкви латинской с греческой, что, если бы совершилось, доставило бы царевне всеобщее одобрение и уважение» [7].

Но патриарх Иоаким сформировал патриотическую партию, ее знаменем стал юный царь Петр Алексеевич. А Голицын наломал дров и вызвал всеобщее возмущение катастрофическими походами на Крым. Летом 1689 года противостояние прорвалось. О том, что в Москве назревают решающие события, прекрасно знали за рубежом. Дипломаты и шпионы потянулись сюда, словно мухи на мед. Примчались австрийская, польская делегации. Как раз тогда прибыл агент иезуитов и Франции Невиль. В столицу примчался и Мазепа. Словом, клубок собрался еще тот. Поляки, иезуиты и Невиль то и дело навещали Голицына на дому, тайно беседовали. Француз несколько раз переодевался в русское платье, ходил к Мазепе. Вместе обсуждали, что Украина вернется под власть Польши. Голицын знал об этом и не возражал. Что значит какая-то Украина? Почему бы ею не расплатиться за помощь захватить престол?

Но попытка повторить сценарий Стрелецкого бунта и убить Петра не удалась. В столкновении победила патриотическая партия. Первым же актом новой власти иезуитам было предписано в две недели покинуть страну. Софью заточили в монастырь, Голицына сослали. Медведев пробовал бежать, но его поймали. Следствие по его делу было дол-

гим, осудили и казнили. Однако материалы его допросов не сохранились. То ли правительство сочло, что они чреватые слишком крупным скандалом, то ли последователи Медведева в русском руководстве постарались уничтожить улики. А ряд участников заговора (тот же Мазепа) сумели остаться в тени.

Но... едва удалось пресечь иезуитскую операцию, как уже развернулась другая. Как раз в дни противоборства с Софьей, когда юный Петр засел в Троице-Сергиевом монастыре и созывал к себе войска, первыми из иностранных офицеров, состоявших на русской службе, к нему привели своих солдат генерал Патрик Гордон и полковник Франц Лефорт. Петр оценил, радушно принял их, беседовал. Юный царь был очень любознательным, мечтал о море, тянулся к военному делу, создав два «потешных полка». Среди его учителей были и иностранцы. Геометрию, фортификацию и артиллерию преподавал поручик Тиммерман. Он рассказывал о Европе. Но свобода Петра была ограниченной – за ним стояла патриотическая партия во главе с матерью и властным патриархом Иоакимом, запрещающим дружбу с чужеземцами. Теперь царь стал самостоятельным, а вскоре и Иоаким умер.

В 1690 году Пётр стал открыто навещать Немецкую слободу. Сперва заехал в гости к Гордону. Потом к Лефорту. И... стал бывать у него регулярно. У «дебошана» Лефорта всегда было шумно, весело, увлекательно. Как раз его пируш-

ки влюбили Петра в европейский образ жизни. Он отдыхал здесь от придворных церемоний и этикета. А царица Евдокия была на сносях, и Лефорт свел Петра с Анной Монс. По случаю рождения наследника Алексея царь пожаловал его в генерал-майоры, назначил командиром 1-го Московского выборного полка (гвардейского, из лучших солдат). Лефорт стал неразлучным другом Петра, сопровождал его в поездках по стране, на военных маневрах, в походах на Азов. Лефорт формально возглавил и «Великое посольство» в Европу, ставил подписи под документами. Хотя фактически переговоры вел дипломат Федор Головин, а Лефорт играл роль переводчика при царе.

А между тем встречаются упоминания, что Гордон получил от короля Англии и Шотландии Якова II полномочия масонского эmissара в нашей стране. Что активным «вольным каменщиком» был и Лефорт (судя по его биографии, это очень похоже на правду). В масонских источниках сообщается, будто сам Петр в 1690 году получил от Гордона и Лефорта масонское посвящение. Что в 1697 году во время визита в Голландию и Англию его вводили в ложи. Хотя такие сведения вполне могут быть фальсификацией (обычной для масонов).

И если даже они верны, то Петра масонство не увлекло. Просто мелькнуло в бурной мешанине его юных забав и ушло как нечто ненужное, не имеющее практического смысла. Гордон и Лефорт находились рядом с ним недолго, оба

умерли в 1699 году. А Петр, невзирая на свои западнические увлечения (заметно проходившие с возрастом), остался слишком убежденным патриотом России и слишком прочно сохранял стержень Православия, чтобы стать идейным «вольным каменщиком».

Да, взойдя на трон, он очутился в очень затруднительном положении. К царствованию он по сути не готовился, даже систематического образования не получил. А Россия уже вышла в бурное море международной политики. Куда и как рулить ею, должна была решать совершенно неподготовленная рука. Прежние механизмы государства оказались расшатаны или поломаны. С одной стороны, над Петром нависали кланы родовой аристократии, бояр, надеявшихся руководить неопытным царем из собственных выгод. С другой – приближенные иностранцы, соблазнившие его «европейскими нравами». Тоже из личных выгод. И не только личных, но не российских.

Даже Церковь Петр застал в совершенно плачевном виде. В ней царил хаос, боролись группировки твердолобых «обрядоверов» и суеверов, умеренных консерваторов, католических и протестантских реформаторов. Само Православие свелось к формальному соблюдению обычаев. По внешним признакам оценивались и ереси. Позволительно брить бороды или нет? Позволительно ли носить иноземную одежду? Сколькими перстами креститься? Признавать ли украинских священников или всех скопом объявить еретиками?

Но за ожесточенными спорами о формальностях терялась духовная суть! Святитель Дмитрий Ростовский, поставленный (Петром!) на Ростовскую епархию, в сердце исторической России приходил в ужас. Большинство прихожан здесь вообще забыли об исповеди и Святом Причастии! Писал, что не только простолюдины, но и «иерейский жены и дети мнозе никогдаже причащаются... иерейские сыны приходят ставиться на места отцов своих, которых егда спрашиваем: давно ли причащались? Мнозии поистине сказуют, яко не помнят, когда причащались» [8].

Патриарх Адриан был в оппозиции к царю за «еретическое» бранобритие и иностранные моды, поэтому не поддерживал никаких начинаний Петра. Хотя царь неоднократно протягивал ему руку для примирения. Заводил речь о церковном образовании, которое «паче всего в жизни сей надобно». Предлагал создавать специальные школы, чтобы «во всякие потребности люди, благоразумно учася, происходили в церковную службу». Эти же школы могли готовить военных и гражданских специалистов. «Но мало учатся, поскольку никто не смотрит за школой как надобно. Многие желают учить детей своих свободным наукам и отдают их здесь иноземцам, другие в домах своих держат учителей иностранных, которые на славянском нашем языке не умеют правильно говорить. Кроме того, иноверцы и малых детей ересям своим учат, отчего детям вред, а Церкви может быть ущерб великий и языку повреждение...» [8]

Не патриарх царя, а царь убеждал патриарха в опасности западных учений! В необходимости распознавать их, оберегать от них православие. Нет, Адриан «не услышал» его. Упрямо уклонялся от сотрудничества. А в Церковь действительно внедрялись самые разнообразные чужеродные влияния. Но никакого реального противодействия не было. Раскольники действовали куда более активно и наступательно, чем официальное духовенство. Раскидывали сети на окраины страны, на провинциальную глубинку, создавали тайные пристанища в городах.

Потом обнаружилось еще более страшное явление – секты «хлыстов», перемешавшие христианскую терминологию с темным язычеством. С местными «воплощениями христов», «пророков», «богородиц», с экстатическими плясками на радениях, самоистязаниями, свальными оргиями, омерзительным «причастием» частичкой отрезанного соска «богородиц». Исследователи до сих пор гадают, откуда же взялась эта ересь? То ли «проросли семена» язычества, сохранявшиеся с незапамятных времен в народной толще, то ли к простонародью попали от дворян масонские оккультные идеи? Впрочем, корни-то получались общими. Ведь масонские гностические теории тоже базировались на системах языческих мистерий и прочей подобной «мудрости». И, как ни странно, у «хлыстов» находились неведомые покровители в правящей верхушке. Первым выявил ересь святитель Дмитрий Ростовский в своей епархии [10]. Но его доклады

спускались на тормозах. К «хлыстам» примкнули некоторые архиереи, ересь проникла в Москву, заразила несколько монастырей.

Но охомутать Петра и вовлечь его в масонскую упряжку все же не удалось. После провала идей Лефорта с «Великим посольством» он довольно быстро осознал, что европейские державы – совсем не друзья России, никак не желают ей добра и процветания. Резко сменил направление военной политики. С южного, турецкого, куда его подталкивали и католические державы, и собственное масонское окружение, – на западное, шведское. И сразу же это аукнулось во всей системе международных отношений. Англия и Голландия, до сих пор выступавшие лучшими партнерами России, мгновенно превратились в ее врагов. В Северной войне они выступили союзницами Карла XII.

Порушенную предшественниками государственную систему Петру пришлось строить заново. Но и в этом отношении он не поддался на «передовые» конституционные модели Англии или Голландии. Сохранил самодержавие. Однако и на образец французского абсолютизма, считавшегося образцом для всего мира, русский царь не клюнул. Взял за основу систему Швеции, доработав ее по-своему, из практических соображений. Влияние родовой аристократии, своей нравной и часто оппозиционной, свел на нет, вообще упразднив боярство. Главной опорой власти сделал дворянство с его привилегиями, но и обязанностью служить государству.

Причем дополнил эту систему Табелью о рангах, определяющей положение в обществе «чином, а не породой». А выслуга того или иного чина давала право на пожалование личного или потомственного дворянства. Возможность выдвигаться получили лица любого сословия – в зависимости от собственных качеств.

И в конце концов Петр добился, что Русское царство, набрав силы в предшествующие времена, переродилось в могущественную империю. Открыло себе выход к Балтийскому морю. Утвердило свое влияние и интересы на европейской и мировой арене. Но такой политикой царя недовольны были очень многие – и в нашей стране, и за границей. Не случайно против Петра несколько раз готовились заговоры. В 1697 году, когда он собирался за границу, его замышляли убить стрелецкие начальники Соковнин, Цыклер и Пушкин. В 1698 году, когда он путешествовал по Европе, разразилось еще одно восстание стрельцов. Была доказана связь мятежников с Софьей. Предводители побывали в Москве, привезли оттуда и зачитывали послание царевны. Последовали суровые кары, бунтовщиков казнили и ссылали. Софью и еще двух сестер, Марфу и Феodosию, обеспечивавших связи опальной царевны с внешним миром, постригли в монахини. 1699 год – бунт семи стрелецких полков под Азовом. 1705–1706 годы – явно спровоцированное стрелецкое восстание в Астрахани. 1708 год – заговор Мазепы [7].

Наконец, заговор царевича Алексея в 1717 году. Берусь

утверждать, что он так и не был раскрыт до конца. Что важные фигуры и обстоятельства были оставлены «за кадром». Даже история взаимоотношений Петра с первой супругой, Евдокией Лопухиной, содержит серьезные недоговорки и «пробелы». Женили-то царя в 1689 году, в период борьбы с Софьей. Чтобы подкрепить свою партию, объявить о совершеннолетию Петра. Невесту выбрала мать: род Лопухиных был многочисленным, популярным среди стрельцов. К тому же Петру исполнилось лишь 16, а невесте шел двадцатый год! Разница очень ощутимая. Зато девица была уже явно способной к деторождению. Очевидно, мать рассчитывала и на другое – взрослая жена обуздает юного мужа, отвратит от военных и морских увлечений.

Но мать ошиблась. Евдокия, почувствовав себя царицей, и со свекровью поссорилась, и мужа, судя по всему, «достала». А в 1697 году, когда раскрыли заговор Соковнина и Пушкина, подозрение пало и на Лопухиных. Отец и братья царицы отправились в ссылки, первый раз был поднят вопрос о пострижении Евдокии. Она отказалась, но после восстания стрельцов в 1698 году царь настоял на своем. Почему? В обоих случаях заговорщики хотели вернуть к власти Софью. Но... второго царя, Ивана, уже не было в живых. Софья теперь могла легитимно править только от лица наследника Алексея. Значит, и связь с Евдокией представляется вполне вероятной.

Царицу постригли в Суздале в Покровском монастыре.

Содержания не назначили, она жаловалась родственникам: «Здесь ведь нет ничего, все гнилое... Покамест жива, пожалуйста, поите, да кормите, да одевайте нищую». Но у нее нашлись какие-то могущественные покровители. Уже вскоре она получила богатые покои, сбросила монашеское платье, стала ходить в мирском. У нее появился большой штат прислуги, лошади для выездов. На праздники приходили местные чиновники и дворяне, несли подарки. В храмах ее поминали «царицей». Что касается родственников, то избежал опалы ее брат Абрам Лопухин, посланный учиться за границу. В 1708 году Петру донесли, что бояре его, царя, «так не слушают, как Абрама Лопухина, в него веруют и боятся его. Он всем завладел...» и «чаёт себе скорого владычества». Да, впоследствии подтвердилось – вокруг Абрама формировалась оппозиция царю, возлагавшая надежды на Евдокию и Алексея. Хотя Лопухин поддерживал контакты не только с боярами, но и с иностранными дипломатами. А представители оппозиции были и рядом с Петром – донос замяли.

В том же 1708 году Карл XII выступил в поход на Москву. Сына Алексея государь ещё числил своим помощником, поручил ему спешно укреплять столицу. Но Алексей вместо руководства работами вдруг... умчался в Суздаль, к матери. Спрашивается – зачем? Кстати, этот случай вызвал первую серьезную трещину в отношении отца к сыну. Алексей тоже вращался в окружении дяди Абрама. Как он сам вспоминал, его втянули в компанию «с попами и чернцами», приучили

«к ним часто ездить и попивать». А к Евдокии в это время стал захаживать настоятель Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Досифей. Возбуждал «пророчествами», что она скоро снова станет царицей. И тогда же ее духовник Федор Пустынный свел ее с майором Глебовым, родственником Досифея (в миру Диомид Глебов).

Хотя возникает вопрос: что же это за священники, выступавшие сводниками? И развращавшие Алексея? Но видный исследователь сект П.И. Мельников (Печерский) привел доказательства, что Досифей был связан с «хлыстами» [10]. Мы уже отмечали, что ересь обнаружил святитель Дмитрий Ростовский. Он начал против сектантов первое судебное дело, арестовал их лжехриста Прокопия Лупкина. Между прочим, Лупкин был из стрельцов, сосланных после мятежа в Нижний Новгород. Но св. Дмитрий умер, на Ростовской епархии его сменил Досифей и прекратил дело, обвиняемых выпустил на свободу. В таком раскладе все становится на свои места. «Хлысты» отрицали браки, но поощряли «духовную любовь» – внебрачную. А духовником царевича Алексея по «совпадению» оказался давний друг Досифея Яков Игнатьев, да и Абрам Лопухин тоже привечал всяких «пророков».

Но надежды заговорщиков, оживившихся в 1708–1709 годах, не оправдались. Поход Карла XII завершился гибелью шведской армии под Полтавой. Россия, доселе презираемая и оплевываемая по всей Европе, вдруг выросла во весь рост,

показала себя могучей державой мирового уровня. Последовали и победы ее флота на Балтике. Вот тут-то против нее закрутили международные интриги Англия, Австрия, Польша. Ухудшение отношений Алексея с отцом оказалось очень кстати, царевичу устроили побег к австрийскому императору. Дядя, Абрам Лопухин, знал, где находится племянник. Обсуждал с австрийским послом Плейером, что у царевича много сторонников, и возможно восстание в его поддержку.

В заговоре участвовала не только старомосковская знать, но и начальник Адмиралтейства Александр Кикин, посол России в Вене Авраам Веселовский. Сам Алексей проявил полную беспринципность. Просил войска у императора и даже у шведов. Переговоры с ним вел австрийский вице-канцлер Шенборн и пришел к выводу, что выделить силы было бы можно, но разочаровал сам царевич – «не имеет ни достаточной храбрости, ни достаточного ума», поэтому проект гиблый. Шведы согласились дать Алексею армию, но ответ об этом запоздал. Беглеца уже выследили, посулами и угрозами завлекли возвращаться домой.

При расследовании случайно вскрылась и мирская жизнь Евдокии, и то, что в храмах Суздаля ее поминают «благочестивейшей великой государыней нашей, царицей и великой княгиней» (о существовании такого мирка в Суздале царь даже не подозревал, от него это тщательно скрывали почти 20 лет!). В 1718 году покатались расправы. Казнили Кикина, Лопухина, Досифея, Глебова, игуменью монастыря, несколь-

ких монахинь. Евдокию по приговору церковного Собора били кнутом и отправили в заключение на Ладугу. Ее сын был осужден и умер в тюрьме после пыток. И все же возникает впечатление, что расследование и репрессии, невзирая на широкий размах, уничтожили не все ветви заговора, некоторые важные фигуры обошли стороной

Так, большое подозрение вызывает вице-канцлер Шафиров. Кикин, обеспечивавший побег, был тесно связан с ним. А посол в Вене Веселовский был его родственником (на родину он не вернулся, скрылся за границей). Между прочим, в 1708 году именно Шафиров вел дело Кочубея и Искры, выставив их клеветниками и выгородив Мазепу, а после этого к гетману-изменнику был послан Кикин, долго гостил у него. А после расследования побега царевича и приключений Евдокии казнили рядовых монахинь, но у суздальского епископа Игнатия (Смолы), поощрявшего все, что творилось в Покровском монастыре, нашлись неведомые заступники. Его привлекли к ответственности лишь в 1721 году и тут же амнистировали по поводу победы над шведами. Хотя он стал уже митрополитом Крутицким и Коломенским, и как раз в его время «хлысты» расплодились по Москве, угнездились в 8 монастырях. В общем, есть о чем призадуматься. Какие-то нити остались нескрытыми, замаскированными. Причем эти нити связывали между собой зарубежные державы, внутреннюю оппозицию и церковных сектантов!

А духовной сферой Петру пришлось заниматься самому

– так же, как и политической, военной, административной. После смерти Адриана он прочил в патриархи понравившегося ему Стефана Яворского. Но встретил жесткую конфронтацию духовенства. В условиях войны церковный раскол был совсем некстати, и выборы патриарха отложили до лучших времен. Но сам Петр оставался глубоко верующим человеком. Например, поход на Неву в 1702 году он начал совершенно необычно для «просвещенного» XVIII века – царь со своими гвардейцами совершил паломничество в Соловецкий монастырь, получил благословение у прозорливого старца Иова (у которого бывал и раньше). Вместе с монахами и солдатами он построил церковь на Заячьем острове – и после этого выступил возвращать России её древние земли на Неве.

Царь дружил с преподобным Митрофаном Воронежским, глубоко почитал его. Сам примчался на похороны и нес гроб. Среди выдвиненцев Петра, которых он сам определял на высокие посты в Церкви, еще несколько человек были канонизированы как святые – Дмитрий Ростовский, Иоанн Тобольский, Иннокентий Иркутский. Что касается сомнительных западных учений, то хорошо известен случай, как будущий историк В.Н. Татищев нахватался их при обучении за границей и начал распространять в России. Царь самолично вылупил Татищева дубинкой, поясняя: «Не соблазняй верующих честных душ; не заводи вольнодумства, пагубного благоустройству; не на тот конец старался я тебя выучить, что-

бы ты был врагом общества и Церкви».

По указам не церковных властей, а Петра, была восстановлена разваленная Адрианом Славяно-греко-латинская академия в Москве, открылась Духовная академия в Санкт-Петербурге, духовные школы в Чернигове, Ростове, Тобольске. А по Духовному регламенту, утвержденному Петром, требовалось создавать духовные школы в каждой епархии. По его же указаниям широко развернулась миссионерская работа. Только в одной Тобольской епархии было крещено 40 тысяч инородцев, открыто 37 храмов. Была основана новая, Иркутская епархия, после побед над Швецией были восстановлены Карельская епархия и Валаамский монастырь, разрушенный шведами [11].

Строящийся Санкт-Петербург государь отдал под небесное покровительство св. Исаакия Далматского (Петр родился в день его памяти) и св. Александра Невского. Построил здесь Александро-Невскую лавру, куда были торжественно перенесены из Владимира мощи святого князя, в честь этого события 30 августа (12 сентября) был учрежден новый православный праздник. С «опозданием» в 550 лет был наконец-то канонизирован устроитель Северной Руси, святой князь Андрей Боголюбский. В войсках и на флоте Петр ввел штатные должности полковых и корабельных священников, установил обязательные службы. А для всех православных царь определил обязательное ежегодное причастие Святых Тайн. Хотя бы ежегодное! Это было не снижение требований

к прихожанам, а повышение! Мы уже приводили свидетельство св. Дмитрия Ростовского, что многие в России вообще забыли об исповеди и Причастии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.